

АЛЕКСЕЙ СИДОРОВ

16+

**ТВАРЬ
ИЗ ЭПИЦЕНТРА**

Алексей Вениаминович Сидоров

Тварь из эпицентра

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49622559

SelfPub; 2020

Аннотация

Незнакомец пришел с той стороны, откуда уже лет двадцать никто не являлся. Даже мутанты. Именно туда упала бомба, похоронив надежду кировчан на прежнюю жизнь. Полумиллионный до Судного дня, Киров съежился до размеров небольшой крепости-общины на три десятка человек. И лишь летописец крепости догадывается, что выжившим грозит новая опасность. Ее несет в себе тварь, явившаяся из эпицентра взрыва.

Содержание

ПРОЛОГ. ЯВЛЕНИЕ	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОСЛЕ	19
Глава 1. Предчувствие беды	19
Глава 2. Первые жертвы	35
Глава 3. Маша	52
Глава 4. Тайна Храма	67
Конец ознакомительного фрагмента.	81

ПРОЛОГ. ЯВЛЕНИЕ

– Саныч, глянь-ка: что за чудо?!

– Где?

– Да там, на два часа.

– Ох-е!

– Вот и я о том же.

Старый и опытный сталкер, которого в крепости ласково звали Сан Саныч, повернул бинокль окулярами к себе и, сплюнув на платочек, бережно протер стекло.

– Что, думаешь, грязь? Да нет же, я вижу его ясно, как вас, Сан Саныч, – Егорка был лет на тридцать младше своего «коллеги» по вылазкам, родился уже после Судного дня. И для него было удивительно, как кто-то мог вот так вот вольготно слоняться по поверхности – абсолютно без средств индивидуальной защиты.

Как незнакомец на дороге.

– Он что, в костюме штоль? – Сан Саныч еще раз для верности протер окуляры, но изображение не изменилось – на дороге с той стороны, откуда никто вот уже больше двух десятков лет не являлся, шел человек. И не просто человек, а – в черном костюме! Саныч аж застонал, вспомнив те лихие времена, когда он, будучи студентом, сам напяливал серый пиджак, пытаясь щеголять перед девками. Эх, хорошие были времена! Не то, что сейчас – из «крысиных» нор надол-

го не высунуться. А если и высунешься, то надо постоянно быть начеку – смерть поджидала за каждым углом. Мутантов нынче расплодилось – не чета прошлым годам, – а еще радиация и химические дожди. Просто жуть!

– В костюме? – Егорка перехватил бинокль, вглядываясь вдаль. На костюм химзащиты не похоже, а других костюмов он и не знал. – А от чего он защищает, а, деда?

– Сам ты, «деда»! Я еще тебя переживу! – Санычу не нравилось, когда поминали его возраст. Тем более, сейчас, когда воспоминания взбудоражили кровь. Хотелось выйти на встречу незнакомцу и расспросить его о том, как он тут появился и куда направляется в наряде, будто взятом из фильмов про Джеймса Бонда, что Саныч смотрел в юности.

Он тоже воображал себя суперагентом, напяливая потертый пиджак, и отправляясь на танцы. Пиджак прислал дядя, со своего плеча, потому что у него, бедного студента, даже не было денег, чтобы купить одежду к выпускному. И да, это был единственный пиджак за всю его жизнь!

А тут незнакомец щеголяет в шикарной обнове посреди мертвого города и даже не прячется.

– Это... это просто пиджак, в таких раньше ходили... на выпускной или там, в ресторан, – сказал сталкер, но понял, что эти слова для молодого человека ничего не значат. Пустой звук. Абракадабра. – Для красоты, короче.

Глаза напарника сначала округлились, а потом вытянулись в щелки. Он засмеялся, словно услышав самую смеш-

ную в жизни шутку.

– Скажешь тоже... – но тут глаза парня встретились с девовыми. Саныч был очень серьезен. Улыбка сразу исчезла с лица Егора.

– Может снять его, а? Ну, для верности! – брякнул он.

Егорка направил на силуэт незнакомца полицейский «калаш» (кажется, АКСушка) – таких на всю общину только два. Оба автомата – у них. Все, что удалось добыть в полицейской оружейке, когда туда нагрянули сталкеры. Это был один из первых сталкерских походов, о котором уже начали сочинять легенды среди жителей затерянной на просторах разрушенного города крепости. Большую часть оружия и взлетела на воздух, когда город настигла волна ядерного удара. До сих пор в крепости не знали, как такое могло произойти. Возможно, имел место еще и целенаправленный подрыв склада, но доказательств, естественно, не было. С тех пор огнестрельное оружие было в общине на вес золота, как и патроны, которых Егорке на это задание отсыпали всего пять штук. О чем ему не преминул напомнить Саныч.

– Хочешь патроны извести? Да и не попадешь ты отсюда. Куда тебе?! До него, смотри, вон сколько! Ты когда-нибудь с такого расстояния вообще стрелял? Знаешь, как делать поправку на ветер? – спросил пожилой сталкер.

Егорка не знал, но для приличия хмыкнул – типа обиделся. Поджал губы, хотя сам понимал, что дед прав: стрелять отсюда – только патроны переводить.

– Так что тогда будем делать?

Саныч убрал глаза от бинокля.

– Может, подойдем поближе? Посмотрим, что за тип, а? – не унимался молодой сталкер. Пожилой дернулся, насторожился.

– А вдруг он того?.. – Саныч еще раз присмотрел к фигуре, двигавшейся по дороге с той стороны света, где давно уже все погибло – сгорело в огне ядерного взрыва. Эта «тварь» вырвалась с объекта по уничтожению химоружия в Марадыково – поселка, расположенного в нескольких десятках километров от города. Собственно, когда все завертелось с этим конфликтом между сверхдержавами, то бомбы полетели именно туда, а не на Киров. Иначе бы Саныч не остался в живых, а Егорка вообще не появился на свет.

– Не похож он на мутанта. Две руки, две ноги, голова вроде одна. Ходит как человек, – Егорка просто не встречал еще мутантов, похожих на него самого, но Саныч знал куда больше, чем рассказывал, поэтому покачал головой.

– Пока ждем! Пусть подойдет поближе! Если что – мы его отсюда снимем, а там уже будем разбираться, – сказал Саныч.

Перекрестился.

– Ты чего? – заметил жест Егорка.

– Так, на всякий случай... – пробормотал старик.

Холодок пробежал по спине Егорки, который тут же, вслед за дедом, перекрестился. И даже поцеловал медный

крестик – для верности.

Только это все равно не помогло.

Незнакомец приближался. Он вел себя как человек, прогуливающийся вечером по Октябрьскому проспекту довоенного Кирова. Спокойно, даже не озирался по сторонам. Не высматривал крылатых монстров, которые затаились на верхних этажах разрушенных пятиэтажек.

Нет, он пер вперед. Как «трактор» – еще одно слово из прежней жизни, которую Саныч еще не забыл. В сельхозакадемии проходил устройство сельхозтехники. Собирал и разбирали моторы.

А кто вот «собрал» незнакомца – вопрос. Из какого мира он вообще вывалился? С луны упал что ли?

– Может, он пьяный? – предположил Егорка.

– Вроде не шатается...

– Или грибы...

– Все может быть, – процедил дед, но сам снова перекрестился. В этот раз уже незаметно от напарника.

Слишком уж этот незнакомец напоминал деду призрак той, прежней, жизни, которая сейчас была погребена под слоем пепла и грудями развалин. А еще и залита сверху осадками от химических дождей. Они образовывались из той дряни, которую военные прятали от всех в Марадыково. Тогда ведь во всех новостях высокие чины рапортовали, что «процесс химразоружения завершен». Типа все бомбы с ви-

икс и прочими смерть-газами уничтожены. Ничегошеньки не осталось. Но почему-то именно на Марадыково, а не на Киров была сброшена та ядерная бомба. Она возвестила о наступлении Судного дня для отдельно взятого Кирова и его окрестностей.

Значит, врали. Что-то все-таки оставалось...

И именно с той стороны, куда много лет назад упала бомба, сейчас и шествовал незнакомец. В своем чертовом пиджаке, который Саныч всегда мечтал купить на выпускной, но так и не смог. Носил дранье, чужие, блин, обноски!

Внезапно старик почувствовал, что хочет прихлопнуть наглеца. Духа, явившегося из прошлого, который смеет издеваться над всей его прежней жизнью.

Пристрелить, чтобы не напоминал!

Палец сам лег на курок. Вот он, говнюк, – на мушке. До него – десятка два метров. И даже с его зрением старик не сомневался, что попадет. «Глазастый дед» – так его прозвали в крепости. И именно поэтому он до сих пор сталкер. А еще – командир рейд-группы в составе двух человек. Егорка – хоть и молодой, но еще не обстрелянный юнец. За все те вылазки, которые у них были последние пару месяцев с тех пор, как парень занял место прежнего напарника Саныча, ему еще ни разу не приходилось стрелять. Да и вообще – вступать в бой. Да, черт, даже драки у него «в дискографии» не было, что уж говорить!

Саныч все решал за напарника. Пока решал. До сего мо-

мента.

– Деда, вы чего? – прошептал ему в ухо Егорка. – Вы же сами сказали...

– Уйди из-под руки... – бросил дед. – У-у-у, шельма, сгинь! Это я тут решаю, что и когда. – Он снова приник к окуляру.

Но что-то изменилось. Дед поморгал и снова глянул – незнакомец стоял, подняв руку в приветственном жесте, который совершенно точно был обращен к ним.

Он их видел! Как? Они же вроде как спрятались?!

– Во дела! – изумился дед.

И тут незнакомец заговорил.

– Приветствую вас, дети мои!

– Точно – грибы, – хмыкнул Егорка.

– Выйдите и поклонитесь мне, ибо я – ваш Господь. Я тот, кого вы поминали в молитвах, когда обращались ко мне тихими вечерами. Ваши просьбы были услышаны – и вот я здесь!

Незнакомец вдруг взмахнул рукой. На что Егорка сразу среагировал, крикнув:

– Лучше не дергайся!

– Ну вот, сдал позицию, – процедил дед, снимая автомат с предохранителя.

– Я? А чо?! Он... – Егорка хотел было сказать, что незнакомец и так знал, где они. Он обращался именно к ним, ко-

гда говорил. Не к кому-то неопределенному, а именно к ним – Санычу и Егорке. Но глаза паренька встретились с дедовыми, и молодой сталкер понял, что сейчас рот лучше не раскрывать.

Дед поднялся над краем окна. Раньше это здание было Дворцом молодежи-мемориал. Здесь занимались творчеством и спортом дети, приходили на различные кружки – от танцев до рисования. Сейчас же от Дворца остались лишь вымерший первый этаж, да часть второго, по сути – только эта вот стена, за которой и укрылись двое сталкеров.

Тут был самый дальний форпост Крепости – наблюдательный пункт и перевалочная база, где сталкеры могли передохнуть и осмотреться в перерывах между поисками всякой полезной для нужд общины мелочевки.

За зданием – выжженная пустыня, где и домов-то толком не уцелело. Взрывная волна прокатилась адским огнем, сметая все на своем пути. Она, конечно, прошла и дальше – почти через весь город, до самого берега Вятки, где сейчас и находилась Крепость. Повезло, что до реки взрывная волна «выдохлась» – все-таки эпицентр был далеко за городом. Поэтому на восточной стороне города часть людей смогла уцелеть.

С западной же не было никого и ничего, потому что именно оттуда в свое время пришла Смерть.

И оттуда сейчас явился Мистер Чистый Костюм, чтоб ему неладно было!

– Кто ты? Назови себя! – обратился к нему Саныч.

Незнакомец расселся на бетонных плитах, по которым целую эпоху назад разъезжали дети на велосипедах и самокатах. Сейчас плиты были занесены пеплом, через который местами до сих пор виднелись нарисованные мелом квадраты для игры в «классики».

– А ты покажись для начала, сталкер! Хочу видеть тебя!

– Ишь чего захотел, – буркнул Егорка. – Может, пулю ему между глаз, да и дело с концом, а?

Дед махнул рукой.

– Все бы тебе пули изводить!

– Да вы сами его чуть не того...

– «Чуть» не считается...

А незнакомец на «улице» не унимался.

– Выйдите, дети мои, и возблагодарите меня за явление. Теперь я – ваше все!!!

– Я тебе покажу «дети», – прокряхтел дед, отряхиваясь. – Пойдем-ка поталдычим с этим невеждой, научим хорошим манерам. Негоже так с честными сталкерами разговаривать!

– Это да, – произнес Егор. Глаза его загорелись. Это куда лучше, чем сидеть здесь и ждать неизвестности. – Вмажем ему... ну, как следует...

– Я вас уже заждался, – ворковал незнакомец.

– Сейчас дождешься! – буркнул Саныч и начал медленно выбираться из укрытия, держа автомат на изготовке.

– Если что не так – сразу шмаляй! – бросил он Егорке, а

потом, будто вспомнив свое же недавнее наставление, добавил: – Ну, не сразу, а если будет лезть на рожон!

– Да понял я, понял, – огрызнулся Егорка, первым сбегая по разрушенным стенам к сидящему на бетонных плитах незнакомцу.

– Ни черта ты не понял! – дед даже не пытался за ним угнаться, потому что знал – бесполезно. Возраст уж не тот. – Не подходи! – бросил он вдогонку. – Он может быть опасен.

Старик еще раз взглянул на незнакомца – тот сиял улыбкой.

«Ох, не к добру это, точно не к добру!»

Егорка сбежал вниз и остановился, разглядывая странно-го незнакомца. Худощав. На лице – аккуратная борода. Парень отродясь такой не видал. Он даже не представлял, как можно в условиях, в которых он существовали, так коротко подстричь растительность на подбородке. Ножницами?! Не ножом ведь!

Все в крепости либо отращивали густую бородень, но это было не очень-то гигиенично – ибо сразу заводились вши, – либо брили сразу на лысо. Так надежнее! А у некоторых, типа Егорки, еще и брить-то нечего было.

А еще у незнакомца были длинные волосы. Чистые! Не замусоленные, не засаленные. Без густой примеси ежедневной грязи и пепла прежнего мира. Волосы на башке в общине тоже чаще всего просто сбрывали. По той же причине –

ибо вши.

А у этого типчика волосы сверкали чистотой!

Егорка даже подошел поближе и взял в руки прядь волос, чтобы пощупать их на ощупь. Мягкие и шелковистые!

– Не трогай его! – заорал за спиной дед.

Но Егорка ничего не мог с собой поделаться, он даже отвел автомат в сторону, наслаждаясь тем, какие же эти волосы все-таки мягкие.

«Неземные, ей-богу! Может, он – ангел?»

– Не тр-р-рогай! – орал за спиной дед. Он спускался со второго этажа, только вот двигался очень уж медленно.

– А? Что?! – отозвался Егорка, но при этом не мог оторвать глаз от волос.

– Я не ангел... – вдруг сказал незнакомец тихо. – Я – больше, чем ангел!

Егорка уставился на него удивленно.

«Как он узнал? Он что прочитал мои мысли?»

Еще долго потом парень будет думать, что это все ему только послышалось. А сейчас Егор просто пялился на волосы удивительного незнакомца, не понимая, что происходит.

– Я кое-что знаю про твою мать... – вдруг прошептал незнакомец и подмигнул. – Ее ведь Надежда Ивановна звали...

– Что он... что он говорит? – кричал Саныч за спиной, но Егорка его не слышал. Этот тип говорил про его мать.

– Откуда ты знаешь ее имя?

– Я все знаю... – незнакомец улыбался. – Например, как она умерла...

– Она... она... ее...

– Да, ты думаешь, что ее растерзал тот монстр, который якобы пробрался в вашу крепость, но ты знаешь, что до этого подобных случаев не было...

– Откуда ты...?

Егорка ничего не понимал: незнакомец, казалось, знает про его мать не то, чтобы все, но очень многое. Хотя он сказал всего лишь про то...

– Наклонись ко мне, – прошептал незнакомец. – И я расскажу тебе, как на самом деле она умерла. Все расскажу!

Егорка колебался. За спиной орал дед, но он его не слышал. Весь остальной мир будто растворился в тумане, мягкой и оглушающей белизне.

Сейчас были только он и черный ангел.

– Ты ведь хочешь знать?! – вкрадчиво спросил незнакомец.

Егорка кивнул и наклонился. Парень знал, что это опасно – кто его знает, что у незнакомца на уме?! Но то, что мужчина говорил, и как он говорил – это все завораживало. Заставляло слушать.

«Да и что будет, если я послушаю, что он скажет?! – спросил себя парень. – Правильно – ничего! Дед даже не услышит, пока ползет по развалинам...»

Саныч увидел, как его напарник наклоняется к сидящему в позе лотоса незнакомцу.

– Нет! Егор, не делай этого! – он машинально вскинул автомат, но уже понимал, что стрелять не будет – рискованно. Слишком близко к незнакомцу стоит Егорка. Точно заденет.

– Черт! – выругался дед и, как назло, подвернул ногу, зацепившись за арматуру. Упал на колено, все-таки умудрившись не завалиться всей массой на развалины. – Старая калоша, чтоб тебя! – проклинал старик свою неуклюжесть.

Сан Саныч видел, что незнакомец что-то шепчет на ухо напарнику. Лицо парнишки искажается. Глаза округляются. В них – ужас!

– Нет! Егор, отойди! – дед снова поднимает автомат, но стрелять по-прежнему нельзя – слишком близко они друг от друга.

Егорка поворачивает лицо к незнакомцу. В глазах парня вспыхивает огонь – ярость в чистом виде!

Саныч подбегает как раз в тот момент, когда Егор обрушивает кулак на лицо незнакомца. Тот по-прежнему улыбается, когда изо рта вылетает сначала слюна, а потом и первые брызги крови – это следуют новые удары.

– Я тебя убью! Убью, сука-а-а! – кричит Егор и бьет незнакомца, который заваливается назад, падает на бетонные плиты, но при этом продолжает улыбаться.

Егорка не останавливается, лупит со всей дури ногами – быстро, яростно, так словно действительно собрался при-

кончить незнакомца.

Здесь и сейчас!

– Егор, нет! – Саныч хватает парня за руку, оттаскивает от поверженного противника.

Незнакомец корчится на плитах, роняя слюни, перемешанные с кровью и осколками зубов, на бетонные плиты. «Знатно его парень уработал, долго не придется блистать улыбочкой», – про себя думает Саныч. Если вдуматься, то он и сам хотел бы проделать с незнакомцем то же самое. Чтобы не будоражил память довоенным видом.

Но дед кричит Егору:

– Нет!

Тот вырывается, вцепляется в кисть зубами, пытаясь вырваться из дедовской хватки. Но Саныч не зря Главный сталкер – не так прост, как кажется. Все еще силен, хоть и медлителен. Держит стальной хваткой.

– Да что с тобой, в конце концов? – дед скручивает Егора и валит на землю.

– Убью, суку, у-убью! – продолжает орать парень, ноздрями раздувая пепел, оставшийся на бетонных плитах от ядерного пожара.

Постепенно Егор все же приходит в себя, звук проклятий стихает, переходя в тихие всхлипывания. Напарник Саныча плачет, привалившись к бетонным плитам.

– Да что, черт возьми, он тебе такого сказал? – спрашивает дед.

Парень молчит. В его глазах ярость снова уступает место ужасу. Губы дрожат.

Дед оборачивается на незнакомца. Тот вроде корчится на плитах, но тут же поворачивается – на лице, перепачканном кровью и сажей, по-прежнему сияет улыбка.

– Шдрашьте! Тоже ошень рат фас видеть! – шепчет тварь.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПОСЛЕ

Глава 1. Предчувствие беды

– Лех, похоже, тебе работа подвалила! – крикнул часовой на башне.

– Где?

– Да ты поднимись, сам глянь, – ухмыльнулся он. – Зрелище – оборжешься!

«Да что там такое может быть?»

По наземной части Крепости мы передвигаемся в защитных костюмах. Только они могут уберечь от шалящей временами радиации и также дождей, которые продолжают выливать на многострадальный город Киров тонны химической дряни. Не раз думал о том, когда же почва и воздух, наконец, очистятся, когда можно будет жить нормально – вдыхать свежий воздух без «намордника» и не бояться, что лицо пойдет пузырями от дождичка. Но за два десятилетия, которые прошли с Судного дня, лучше не стало.

Разве что – мы стали кое-как обустриваться. Например, выстроили Крепость вокруг остатков монастыря. Кажется, он раньше назывался Трифонов, в честь святого. Сейчас же часть храмового комплекса превратилась в крепостные стены. В принципе само пространство вокруг монастыря, рас-

положенного практически на берегу реки, идеально подходило под нужды обороны. Надо было только возвести оставшиеся две стены, обезопасив общину со стороны Вятки.

Они были построены, когда я был еще мальчишкой. Тоже помогал, таская кирпичи и помогая грузить бетонные плиты от разрушенных пятиэтажек на самодельные сани. Все, что нужно было для постройки, находили вокруг. Город сильно пострадал, хотя его и зацепило только остатком взрывной волны. Эпицентр пришелся на Марадыково, где хранились ракеты с химоружием.

В первые годы, да даже когда я уже был подростком, мы крайне редко высывались на поверхность. Большинство из тех, кто строил Крепость, особенно на первоначальном этапе, уже умерли. Да и сама община успела сократиться. Только на моей памяти – наполовину. Теперь нас было тридцать три человека, включая младенца Рому.

«Тридцать три. Как возраст Христа...» – почему-то мелькнуло в голове.

Но мы бы не выжили, если бы не подземелья под храмовым комплексом. Старожилы, типа Саныча, рассказывали, что раньше никто особо и не верил в существование здешних катакомб. Типа городская легенда, не более того! Но, когда грянула ядерная война, то выжившие полезли под землю, пытаясь укрыться от смертоносного огня, а затем и от вырвавшейся на поверхность химии.

Часть подземелий до сих пор не изучена. Мы обжили

только те ходы, которые находились непосредственно под храмом, но какие-то вели в город. И куда они там уходили – бог его знает. Экспедиции, отправленные на разведку, так и не вернулись. А терять людей снова и снова никто не хотел.

Став взрослым, я лично присутствовал, когда открывали новые проходы. Тщательно все документировал просто потому, что это моя прямая обязанность.

Я – штатный летописец Хлынова, Крепости над Вяткой-рекой.

И сейчас нужно было задокументировать нечто интересное, что меня ждало за воротами. Это было ясно по лицу десятника, который напряженно вглядывался вдаль, используя для этого театральный бинокль. Где он его добыл – без понятия. Говорят, кто-то из сталкеров принес его из центра в обмен на патроны и самосад.

– Что там? – спросил я, поднимаясь по лестнице, которая была сверху огорожена навесом – от химических дождей, – а по бокам завешана решеткой – от летающей нечисти. Ее в округе водилось предостаточно.

Десятник улыбнулся.

– Тебе лучше самому посмотреть... Мне даже интересно, как ты это... – его улыбка стала еще шире, – ...будешь описывать.

Охранник поднял лук и прицелился. На всякий случай. И тут я увидел, кого он «взял на мушку».

– Мать честна! – пробормотал я.

– Именно, – хлопнул меня по плечу десятник и поспешил вниз. – Пойду встречу народ. Чувствую я, разбираться придется долго...

Действительно, долго.

По дороге к крепости шли два сталкера – Егорка с Санычем. Их автоматы, вопреки требованиям безопасности, были закинута за спину. Тащили человека. Странно одетого человека. Его наряд напоминал спецовку, но я такой никогда не видел. Рубашка под верхней одеждой была белой. Настолько белоснежной одежды я давно уже не видал. Даже те платки, что были в хозяйстве у старожилов, давно превратились в желто-серые лохмотья. А здесь рубаха была цвета чистого снега, словно тот только что выпал и еще не успел пропитаться «соками» отравленного и разрушенного города.

– Кто это? – шепнул я охраннику.

Тот пожал плечами, лишь сильнее натянул тетиву лука, нацелив его на человека. Незнакомец практически висел на плечах сталкеров. Голова в крови.

«Может, на него мутанты напали?»

– Кто это с вами, Саныч? – послышался внизу голос десятника.

– Знать бы еще! – отозвался тот. – Подобрали у Дворца пионеров.

– У Дворца? – удивился десятник.

Еще бы – с той стороны еще никто не приходил. Там – Мертвые земли, пустыня, оставшаяся после ядерного удара.

Ничего живого оттуда не являлось. Ни монстры, ни люди. Кстати, про последних – за все эти годы неместные нам не попадались. Совсем. Только выжившие городские жители, которых было немного, прямо скажем. За все два десятка лет – пара человек.

Со стороны реки тоже никто не приходил. Мост был разрушен во время ядерного удара – смело взрывной волной. А через реку, которая неожиданно стала шире и глубже за счет волны цунами, прокатившейся с запада, никто не рисковал перебираться на другую сторону.

Дело в том, что в реке завелась живность. Необычная, ясен пень. Огромный угорь проглотил сначала лодку (трое погибло), а потом и самодельный плот с поваром (теперь уж бывшим), который вдруг вздумал поискать счастья на другой стороне реки. Его предупреждали. Говорили, мол, рехнулся, все равно не получится. Он поплыл – и тварь его сожрала.

Но сейчас сталкеры вели в Крепость не просто человека, а странно одетого, да еще и волосатого незнакомца. Без химзы! И мне предстояло присутствовать при его допросе, как пить дать. А потом все тщательно записывать в Летопись – огромную амбарную книгу, которую мы, то есть я, хранили как зеницу ока, потому что бумаги в общине практически не было.

– Лех, спускайся! – это десятник звал вниз. Встречать незнакомцев.

Тут Саныч ему что-то сказал, что именно – не расслышал.

– Хотя нет, обожди! Поговоришь с ним потом, в камере. Опасный, говорят. Ща ему обломают немного эту его опасность...

«Неужели незнакомец напал на сталкеров? Но у него же даже оружия нет. Чем он мог их атаковать?»

Мне оставалось лишь наблюдать за тем, как огромные железные ворота Хлынова открываются, впуская конвой внутрь.

Саньч с Егором протащили мужчину внутрь. У незнакомца были длинные, черные волосы. Такие в наше время себя не позволяют – сразу заводятся всякие твари.

– Хорошо! – бросил я десятнику.

Тот закрыл ворота, дал сигнал охранникам, чтобы опустили тяжелый засов – рельсу.

– Смотрите в оба! – наказал старший охранникам и зашагал вслед за сталкерами, которые ушли ко входу в подземелья.

Я все еще смотрел им вдаль, жалея, что так и не удалось рассмотреть лицо незнакомца.

«Хотя... зачем оно мне?»

И тут вдруг незнакомец поднял голову и сам посмотрел на меня.

И он... улыбался!

Я открыл было рот от удивления, хотел что-то сказать, но пленника уже втащили внутрь. Двери захлопнулись.

Никто не знал, зачем монахам понадобились настолько

глубокие подземелья. И, конечно, никто никогда не измерял, насколько метров они уходят под землю. Для выживших самое главное было то, что на втором и третьем уровне счетчик Гейгера показывал радиацию в пределах нормы. Наверху – на первом ярусе – еще кое-где фонило, но в принципе тоже терпимо. Там мы и раздевались, проходили дезинфекцию. Там же располагались все технические коммуникации, в том числе и вытяжка, которую периодически прокачивали ручным насосом. На ручной тяге была еще одна незаменимая вещь – водопровод.

Вода с поверхности проходила естественную фильтрацию в местном грунте, богатом на песок. Потом ее прогоняли еще и через уголь, дальше по шлангам она шла на нижние ярусы, где были жилые комнаты и самое знаковое сооружение во всем комплексе – Святилище.

Подземная церковь, выкопанная монахами под основными ярусами. Видимо, сюда они приходили, чтобы побыть наедине с богом. Не с нашим Новым Миссией, а с тем старым, которого звали Иисусом. Не знаю, чем нравился им человек, который позволил себя распять, но, видимо, они получали истинный кайф, разглядывая его фигурку на кресте. А она выглядела, надо сказать, на редкость натурально. Мне всегда было очень некомфортно, когда я разглядывал все эти страшные раны на руках и ногах. Будто самого гвоздями прибили – бр-р!

В Святилище главным был Храм. Никто не знал, как его

зовут на самом деле. Но до Судного дня он точно не был монахом. Говорят, что вообще – врачом. Только я в это особо не верю. Внешне он похож на вышедшую на пенсию рок-звезду. Даже седые волосы не сбрасывал, но он-то мог позволить себе косы – было кому таскать тазики с горячей водой, – но об этом чуть позже.

Хотя в последнее время Храма мало кто видел, потому что он был очень стар и практически не выходил из кельи. Но все, кто его встречал, хоть однажды, первым делом поминали взгляд – будто выжигающий любое сопротивление. «Он заглядывает в душу», – твердили женщины. «Храм видит наши грехи», – вторили им молодые девки.

В эти байки я тоже не верил. Всему было рациональное объяснение. Храм просто был очень проницательным. Оно и понятно – житейский опыт, помноженный на начитанность. В Святилище место алтаря занял большой-пребольшой книжный шкаф, в котором было множество книг. В основном – учебники по биологии, астрономии, математике, русскому языку. Кроме истории – ее не было совсем. Даже не знаю, почему так. Но говорят, что книжный архив перекочевал сюда из ближайшей школы. Почему сохранились именно эти дисциплины – теперь уж не узнать. Кроме Храма и спросить-то не у кого, разве что у Саньча. Но я не решался.

Дело в том, что старик-сталкер хоть и много знал об истории общины, но предпочитал помалкивать в тех случаях, когда здешнее мироустройство ставилось под сомнение. Осо-

бенно – в подобных случаях. «Храм создал это место, благодаря ему мы до сих пор живы», – говаривал он. А Саны был самым старым в нашей общине после Храма. На таких, как он, и зиждилась наша Крепость. Духовная скрепа во плоти.

Сейчас же Саныч был подавлен. Я встретил его в коридоре первого яруса – нервно смолил самокрутку. Руки сталкера заметно тряслись.

– Саныч!

– А? – он дернулся, словно ожидая, что сейчас на него из темноты бросится Черный Монах – еще одна местная страшилка, которой просто бредили женщины. Они же и распространяли байки про то, что призрак монаха бродит по тупиковым ходам и похищает тех членов общины, которые удосужились туда забрести. Для чего – версии разнились. Больше говорили о жертвоприношениях и каннибализме. Хотя какое призраку мясо? Для чего? Но все случаи пропажи людей так или иначе списывали именно на Черного Монаха. Естественно, его самого никто не видел.

– Да я это, я! А ты уж видно подумал, что Черный нагрел?

– Не верю я в эти байки, – бросил Саныч, – да и у нас другие проблемы теперь есть. Реальные проблемы.

– Ты про того типа, которого привели?

Вообще я не курил, но сейчас мне хотелось разговорить пожилого сталкера, поэтому попросил самокрутку. Саныч удивленно посмотрел на меня, но потом, видимо, смекнул,

что это лишь повод для продолжения общения и выдал мне «папироску».

– Я и сам-то мало что знаю, – сказал старик. – Зря ты пытаешься меня разговорить. Лучше расскажи-ка, что там слышно на фермах. Грибы все также дохнут?

*

Саньч, не упрямясь. Я понимаю, что ты хочешь перевести тему, но не стоит. Я все-таки Летописец Крепости, забыл? Мое дело расспрашивать людей, а потом все подробно записывать, – я похлопал по кожаной сумке, висевшей на плече. В ней лежала настоящая реликвия – амбарная книга, она же – летопись, песнь всей нашей жизни. Точнее – той ее части, которую я успел записать.

Начал восемь лет назад. Тогда меня подозвал Храм, который еще был в силах выбираться на поверхность и осматривать результаты собственного руководства. Кивнул мне:

– Пойдем, прогуляемся, есть у меня кое-какие мыслишки насчет тебя.

«Мыслишками» оказалось ведение Летописи – запись всех значимых событий, которые происходили в Крепости. В итоге я стал гибридом историка, счетовода и писаря, потому что учет ресурсов тоже входил в обязанности. Ну, и когда появлялись новенькие, то именно меня звали, чтобы задокументировать беседы, плавно переходящие в допросы и обратно.

Собственно, пришедших к нам со злыми намерениями я

даже не встречал. Все искали убежища, понимая, что в одиночку просто-напросто не выжить. Постепенно к нам переметнулись даже обитатели бомбоубежища, находящегося по соседству, под стадионом «Динамо».

От «Динамо» вышли девять человек, но к нам явились только трое. Остальных по дороге сожрали мутанты. Причем, мы так и не выяснили, какие именно, потому что пришедшие были очень напуганы. Все твердили про желтые глаза да рычание. Видимо, набрали на стаю вервольфов – жутких, похожих на волков, мутантов.

Все, кто приходил в Крепость, искали способ выжить, но незнакомец, которого привели сталкеры, не был похож на предыдущих. Слишком уж отморозенный.

И, похоже, не только я был такого мнения.

– Лучше нам его убить, – вдруг бросил сталкер, раздавил самокрутку и зашагал к лестнице на нижние ярусы.

– Саныч? – я пробовал окликнуть сталкера, но без толку. Если уж он не хочет разговаривать, то его ни в жизнь не заставишь. Такой человек. Потушил самосад и решил двинуть к Допросной, которая тоже располагался на первом ярусе, только в левом крыле.

У дверей стоял знакомый охранник. Володька.

– Здорово!

– Здоров, коли не шутишь! – он пожал протянутую руку, а потом строго глянул на меня из-под кепки: – Тебя вроде

пока не вызывали...

– Вот и мне интересно почему...

– Без понятия. Ты его видел? – было ясно, что Володька говорит про незнакомца.

Кивнул, поморщился.

– У него явно не все дома – улыбается постоянно. Что-то про бога талдычит.

– Сумасшедший и сумасшедший. Видали мы таких, но почему меня-то не зовут? Надо же типа документировать.

– Не знаю, Майор ссыт кипятком. Никогда не видел его таким. Будто с цепи сорвался, – Володька переминался с ноги на ногу. – А еще в сортир хочу, а они там уже два часа гуторят.

– Так давай я посторожу, а ты сбегай.

– Не положено, Майор, если узнает, живо меня повесит. Ты же знаешь, что у нас бывает за такое.

Кивнул.

Майор на самом деле никогда не были военным, да и полицейским тоже. До Судного дня он, говорят, вообще ошивался в криминале. Когда был подростком, то воровал кошельки у прохожих. Потом – на побегушках у местных авторитетов. Но это тоже информация из разряда «одна бабка сказала». Спрашивать напрямую, естественно, никто не решался.

В общине Майор был главным по силовым структурам. Допросы, расстрелы, поддержание общественного порядка –

это все по его части. Он был груб, но для такой работы другой стиль работы и не требовался. В принципе одного вида его гориллоподобной морды было достаточно для того, чтобы стихла любая драка в Баре – местном питейном заведении, расположенном на втором ярусе.

Майор же ввел на территории Крепости комендантский час. Его отмеряли по большим песочным часам, которые были расположены в Святилище, а сигнал подавался небольшим колоколом, водруженным на останки Трифонова собора. Говорят, что сам Храм дергал канат в нужное время, только я в это особо никогда не верил. Вокруг главы общину крутились двое пацанов – Андрей и Стас, – который были его доверенными лицами в Крепости. Всюду совали носы. Они вполне могли звонить вместо него. Зачем ему утруждаться?!

Эти же парни являлись на Кухню, забирая самую вкусную пороссячью вырезку, а еще самогон, который гнала баба Нюра, возглавившая поваринное царство после того, как Якова сожрал подводный монстр.

«Храм требует то-то» – обычно говорили они и забирали еду и питье с собой на нижний ярус. Доходило ли оно все до Храма – неизвестно. Так как они были приближенными к телу, то даже Майор не имел власти над мальчишками. Рычал себе тихонько под нос, когда они вставали у него на пути, но поделаться ничего не мог. Не его епархия.

А сейчас рычание главного «силовика» доносилось из Допросной. Та была обшита железными листами, которые уда-

лось раздобыть на останках завода, расположенного на улице Профсоюзной. Кажется, там раньше выпускали шины. Откуда там были еще и железные плиты – никто не знал. Но шины в любом случае сгорели, а железо нет.

Говорят, что в Допросной фонило даже чуть больше, чем на поверхности, но, дескать, это было сделано намеренно. Если пленник долго находился в Карцере, который примыкал к Допросной, то просто-напросто медленно сходил с ума. Бредил, покрывался язвами – и в итоге выдавал нужные секреты, чтобы его выпустили.

Да и вообще железная тюрьма, если в ней сидеть несколько суток подряд, кого хочешь сведет с ума. А все остальное, что нужно для выкачивания из пленника нужной информации, делает Майор. Нравилось ему это дело. Я уже говорил, что к нам никто не приходил со «злыми» намерениями, но все пришедшие в любом случае проходили через Допросную и Карцер. Некоторые сидели здесь неделями, пока даже до твердолобого Майора доходило, что пленники действительно не замышляют ничего дурного против жителей Крепости.

Майор орал за железной дверью. Эхо разносило его зычный бас по темным коридорам.

– С какой целью ты пришел? С како-ой? – а потом звуки ударов, между которым пробивался... хохот.

– Я же говорю, умом тронулся, это точно, – сказал Володька, кивая на дверь.

Но меня не покидало ощущение, что здесь не все так про-

сто. Слишком уж странным был незнакомец. Таких отморожков мы еще не встречали.

Вдруг дверь распахнулась – и выскочил Егорка. Весь в слезах. За его спиной я увидел тело незнакомца, свисавшее с цепей. Прямо посередине комнаты. Лицо пленника прекратилось в сплошную кровавую маску.

– Ты куда? Мы еще не закончили! – прогремел бас Майора вслед Егорке.

– Я... я на минуту, в туалет, – пробормотал парень и зашагал мимо нас, старательно пряча глаза.

Дверь захлопнулась.

– Егор! – окликнул я.

Тот ничего не ответил, только ускорил шаг.

– Егор!

– Некогда мне! Майор ждет, – буркнул он, ускоряя шаг.

Но от меня так просто не избавиться, поэтому уже за поворотом я нагнал Егора. Поймал за ворот куртки и резким рывком развернул к себе. И то, что я увидел в глазах парня, мне не понравилось – в них были даже ни злость и отчаяние, а полнейшая безнадега.

Пустые глаза смертника.

– Боже, Егор, что случилось? – выдохнул я.

Тот не ответил, вырвался и зашагал в сторону сортира – келье с ямой, на которой был устроен деревянный насест.

– Мне надо спешить. Майор ждет, – повторял он, будто на автопилоте.

А я смотрел ему вслед, пока сталкер не скрылся за очередным поворотом. Окликать больше не стал.

Меня накрыло предчувствие беды. Что-то страшное приближалось – спина, покрывшаяся мурашками, просто кричала об этом. Срочно захотелось не только снова закурить, но и выпить. Забыться, отпустить это противное чувство – вдруг поможет!

Не помогло...

Глава 2. Первые жертвы

Пока спускался на Второй ярус, заметил крыс, бегущих навстречу. Не меньше десятка. Шарахались по углам, вжимались в стены, перебежали по коридору туда-сюда, а потом снова выпрыгивали, прямо под ноги, и мчались вверх по лестнице. За ними, улюлюкая, бежали дети. Настя и Антон Свиридовы.

– Лови ее, – кричала девочка.

– Сама попробуй, поймай! – мальчик неудачно взлетел на следующую ступеньку, запнулся, пытаясь поймать убегающее животное.

Глаза пацана оказались на уровне моих ботинок. Только тогда она заметил меня.

– Дядя Леша, здрасьте! – выдал он.

– Я – первая! – кричала девочка.

Малец рванулся, чтобы ее догнать, но я успел поймать его за плечо.

– Откуда они?

– Крысы-то?! С нижних ярусов, видать, мы их на втором уже увидали...

– А я думал, их давно уж всех подъели... Последние несколько месяцев их не видно было.

– Мы... тоже удивились, – парень высвободил плечо. – Мне надо... бежать надо, дядь Леша, извините!

– Да, конечно! Побегай! Поймаешь, – поделишься? – прокричал я ему вслед.

– Нет, конечно! – донесло с лестницы.

«Вот ведь маленький засранец! Хотя ему в последнее время сильно досталось. Приходится заботиться о сестре после того, как их родители умерли. Точнее – съели, – поправил я себя. – Их съели. Так что теперь Антошка за старшего в семье».

Девочка, правда, была смышленей, и мне казалось, что через пару лет именно она станет главой их небольшой сиротской семьи. Заботилась о них пока баба Нюра, но толком следить не успевала – у нее и так было много забот на кухне. С утра до вечера там. В итоге дети большую часть дня были предоставлены сами себе.

Пропитание вон добывают!

А все-таки странно, что крысы обнаружили себя именно сейчас, когда их давно уже никто не видел. Как раз тогда, когда появился незнакомец. И теперь еще – крысы. Они будто бы сбегали с тонущего корабля, которым была наша Крепость.

Эта мысль мне совсем не понравилась. Сжал губы и продолжил спуск.

Мысли о крысах, странном незнакомце, сходящих с ума сталкерах отошли на второй план, когда я увидел *ее*.

Мария. Какое же сладкое имя – м-м-м!

Казалось, что оно меня успокаивает, даже когда я просто повторял его про себя. А уж когда вслух – и подавно!

Например, как сейчас...

– Мария! – обратился я к девушке за барной стойкой.

– А-а... Ты! – завидев меня, она поправила замызганный передник и убрала в сторону упавшую на лоб прядь черных волос.

Ох, какие это были шикарные волосы, скажу я вам. Мария знала секрет, как держать их в относительной чистоте. Даже в нашем безумном мире.

– Я... – сказал и замолк. Напрочь забыл, что именно хотел сказать, поэтому просто открыл, а потом закрыл рот.

С женщинами у меня как-то не ладилось. У нас их в общине всего-то семеро, считая девочек и престарелых, типа бабы Нюры. А Маша среди них считалась первой красавицей, поэтому все лица мужского пола, даже семейные (особенно – семейные!), так и норовили с ней пофлиртовать. Но девушка, несмотря на то, что работала в таком злом месте, как Бар, никому вольностей не позволяла.

До сих пор хранила верность парню. Точнее – мужу. А еще точнее – гражданскому мужу. Да, и это была основная проблема, почему я до сих пор не сделал первый шаг к собственному счастью.

Этот ее Виктор был сталкером. Ушел в сторону руин речного порта за остатками топлива, но так и не вернулся. Собственно, это и был последний раз, когда туда вообще посы-

лали народ. Потому что вместе с ним пропала и вся группа. Храм посчитал, что будет излишним риском посылать еще и спасательную команду – и свернул все ходки в том направлении. А если честно, то и посылать тогда уже было некого. К тому времени в Крепости остались всего четверо сталкеров, включая Саныча.

Тот все-таки провел разведку. Вышел до улицы Профсоюзной в том месте, где она плавно переходила в руины моста через Вятку, но дальше не сунулся – испугнули черные тени у останков речпорта.

– Вервольфы! – процедил Саныч. – Чертовы твари. Их там – просто кишит все!

Вервольфы получили название от мифологических оборотней именно потому, что раньше тоже были людьми. Да и сейчас, похоже, сохранили остатки разума.

Днем они передвигались по-волчьи, бегая на четырех лапах, а ночью, особенно в полнолуние, вставили на задние конечности. У них был альфа-самец, который управлял стаей. Общались при помощи лая. При этом Санычу все время казалось, что он слышит вместо звериных звуков вполне отчетливое человеческое слово, да еще и на немецком: «Хайль!» Обычно оно звучало в несколько видоизмененном виде: «Р-хайль!»

Санычу пришлось долго объяснять другим сталкерам, что на самом деле значит это слово. Да и в целом пересказывать историю Великой Отечественной войны, когда это нацист-

ское приветствие открывало путь к самым жестоким зверствам, которые творили люди. За исключением Судного дня – там уж человечество совсем заигрались в богов, практически уничтожив планету.

По ночам вервольфов видели нечасто, да и в это время был комендантский час, который ввел Майор. Все сидели по кельям. Твари завывали в окрестностях, иногда – под стенами, но никогда не пытались пробраться внутрь.

Пока не пытались.

Саньч еще клялся, что видел черных тварей, марширующих настоящим боевым порядком.

– А в руках у вожака был автомат! – рассказывал разгоряченный сталкер, – точно вам говорю!

– Может ты что-то перепутал, палку принял за оружие? Далеко же, – предположил Храм, но Саньч настаивал на своем.

Короче – с тех пор в тот район мы не совались. Даже днем. И потихоньку о том, что там пропали люди, включая машинного Витьку, все забыли.

Кроме нее.

Затаившуюся печаль – вот, что я видел в ее глазах каждый раз, когда собирался заговорить с ней о...

А о чем, собственно?

Саньч говорил, что раньше мужчины приглашали женщин, которые им нравятся, в театры да в кино, но у нас ничего подобного не было. Только Бар, но она и так в нем уже

работала. Не приглашать же ее в то же заведение, где она и так проводит большую часть времени.

Глупо.

– Ты хотел что-то сказать? – спросила Мария.

– Не-е-ет... просто думал, что сегодня можно...

– Ты же вроде не пьешь.

– Нет, конечно, это мираж-ж-ж! – улыбнулся я.

– Что-то случилось? – поняла она.

– Да нет, все в порядке, – ответил я, пытаюсь подобрать слова.

«Но что ей сказать? Пришел какой-то незнакомец, из-за которого все с ума посходили. Нелепица. Он же вообще в камере сидит – как он может быть опасным?».

– Это из-за того незнакомца, которого привели Сан Саныч с Егоркой?

Раскусила – кивнул. Именно появление чужака не давало мне покоя. Прошло всего-то несколько часов, но мне казалось, что этот тип уже успел заполнить все мысли своим появлением.

Или почти все.

– Меня тоже он беспокоит, – вдруг сказала Мария.

Какая же она красивая! Практически идеальный овал лица, а еще кудряшки на черных волосах, от которых я всегда балдел. Мог смотреть на них так же долго, как и на огонь в буржуйке.

А еще же поддерживать беседу надо!

– Почему? – спросил я.

– Вдруг он знает... хоть что-нибудь...

– Про Виктора? – его я почему-то всегда называл исключительно так, хотя сама Маша чаще всего называла пропавшего гражданского мужа просто Витей.

– Да, вдруг видел Витю... Никто ведь не знает, откуда незнакомец пришел...

– Ма... Маш, он совсем с другой стороны явился. Я видел. Он вели его от Дворца пионеров.

– Знаю, но все равно... – в уголках глаз девушки блеснули слезинки. – Может, он знает, кого-нибудь... ну, кто видел... кто мог...

Девушка отвернулась к стеллажу с бутылками, тихонько стерев передником проступившие слезы.

– Тебе чего? – спросила она, когда обернулась снова. Уже холоднее. Намного холоднее.

– Коньяк «икс-о», – я понятия не имел, что это, но Саныч рассказывал, что до Судного дня этот вид пойла считался самым крутым. «Дорого стоил», – говорил он. «Сколько патронов?» – спрашивал я, а он лишь смеялся в ответ.

– Вот тебе «икс-о» со вкусом водорослей, – сказала она, налив единственный вид выпивки, который имелся в Баре, – самогон.

– Спасибо тебе, добрая фея! – брякнул я и отпил дурно пахнущую жидкость.

Фея не ответила. Стало ясно – сегодня разговор точно не

заладится. Оставалось надербаниться в хлам.

Леденящее чувство приближающейся беды не отпускало, даже когда закурил. Впервые за полгода. Все вспоминал хохот безумца, который, казалось, наслаждался пребыванием в камере.

Уж было задремал за столиком, как послышались крики и топот в коридоре:

– Что случилось?

Мария будто только сейчас заметила, что я все еще здесь, развела руками.

Дверь распахнулась – и в Бар влетел Володька.

– Лех! Вот ты где, – он быстро направился ко мне.

– Да-а, а что такое?

То, что я увидел в глазах знакомого, мне очень не понравилось. Смесь страха и недоумения.

– Там это... – парень оглянулся, заметив Марию. – С Егоркой того...

– Что с ним?

– Не здесь, – Володька снова оглянулся на девушку. Я вспомнил, что с Егоркой-то она как раз хорошо ладила. Почти другом был. Не то, что я. – Сам увидишь...

– А ты как?.. Пост что ли оставил? – спросил я, с трудом ворочая языком

На самом деле выпил всего три рюмки, в голову не дало, но язык превратился в амёбу.

– Так это... Майор за тобой и послал.

Понятно – дело серьезное.

– Блин! – бросил я, на ходу вешая на плечо сумку с Летописью. Быстрым шагом зашагал к выходу.

– Не поняла, что с Егором? – попыталась остановить нас Маша.

Хотел что-то ответить ей, успокоить, но Володька толкнул меня в плечо.

– Майор сказал: «Живо!» – значит, ждать не будет. Взгреет потом обоих.

В итоге вышел, оставив растерянную Машу за стойкой. Это был последний раз, когда я видел ее перед тем, как беда пришла и за ней...

– Да что там с ним стряслось? – спросил я Володьку, пока мы топали по лестнице на Первый ярус. – Чего Машу напугал?

Парень заметно напрягся.

– Повесился, говорят, но сам еще не видел, – ответил охранник.

– Как повесился?

– Да откуда ж мне знать? Майор сначала велел его найти... ну, когда он не вернулся в Допросную. Я начал спрашивать у всех, а потом увидел тень – дверь сортира была открыта. Не сразу сообразил, что это ноги так качаются. А когда понял – чуть не сблевуил, – сразу побежал звать народ.

– То есть ты даже не посмотрел, жив он там или нет?

Володька смутился.

– Сам бы тоже пересрался небось! Сбегал, позвал Майора, он уже сказал, что Егорка того... ну, повесился. Велел за тобой бежать.

Народ на Первом ярусе уже начал собираться. Перешептывались, пытаясь друг у друга разузнать подробности, которые никто не знал и знать не мог. Майор все это время стоял у двери, так что никто в сортир не входил.

– Че рты раскрыли?! Это вам что, расстрел что ли? – рявкнул он, поглаживая ручку пистолета в кобуру на правом боку. – Хотя могу и устроить для некоторых.

Но никто и не собирался ломиться в дверь, пока Майор тут стоял. Говорю же, людям хватало одного его вида, чтобы не совершать необдуманных поступков.

– Наконец-то, – выдохнул главный «силовик», едва завидев нас с Володькой. – Расступитесь, скоты, дайте дорогу!

Толпа послушно раздвинулась, вжавшись в стены и без того узкого коридора. Мы прошли мимо десятков глаз, вопросительно смотревших на нас. Так и хотелось им всем сказать: «Люди, да что вы хотите-то от меня? Я и сам пока ничегошеньки не знаю. Обождите – все прояснится»

– Можно пройти?! – я подвинул в сторону грузную женщину, имени которой не помнил, но она точно работала на ферме – убирала за свиньями. Та посмотрела на меня так, словно я был ее подопечным – вырвавшимся из загона поро-

сенком. Но в сторону все-таки отшагнула.

Таким же взглядом был удостоен и Володя.

– Алексей – со мной. А ты, – майор обратился к охраннику, – вставай у дверей. Никого не впускать! И смотри тут у меня!

Мы зашли в вонючее помещение, которое раньше было кельей, а сейчас использовалось для того, чтобы обитатели колонии справляли естественную нужду.

Закрыл нос пальцами, но это не помогло. За те годы, что здесь был оборудован туалет, концентрация газов достигла такого уровня, что неизбежно хотелось воспользоваться противогазом. Даже когда просто заходил облегчиться. По малому. Но противогазы и комплекты к ним были на вес золота, поэтому, естественно, это все было исключительно из области фантазий. Дверь тоже не позволяли открывать надолго, а вытяжки тут, понятно, не было.

Майор как раз закрыл дверь, оставляя нас в газовой камере.

«Даже не представляю, как мы тут будем... А если надолго все?..» – подумал я.

– Быстрый осмотр: записывай – и сразу выходим, – Майор тоже, видимо, был не в восторге от здешних ароматов.

– Уже! – я вытащил из сумки книгу и ручку. Последних было всего две на колонию. Вторая – у Храма.

Майор зажег факел и отшагнул в сторону, открывая мне обзор.

– Боже! – свет факела выхватил из темноты лицо Егорки. Выпученные глаза, надувшиеся от предсмертных мук. Красные прожилки лопнувших вен. Страшно.

– Он задохнулся, – брякнул я.

– А ты смотрию, спец. Врач, не? – буркнул, издеваясь, Майор. – Пиши: найден труп... да, дату не забудь...

– Потом допишу...

– Да, найден труп – Егор Сергеевич Мальков... а сколько ему лет-то?

– Восемнадцать. Полных.

«Мальчишка же еще!!!»

– Да, пиши: «Егор Сергеевич Мальков, восемнадцать лет. На лицо – признаки механической асфиксии».

– А? Что? – я первый раз встречал подобное слово.

– Удушье, говорю.

– А, хорошо! Записал! – я набрасывал в амбарной книге запись, которая была чем-то средним между справкой о смерти и исторической хроникой. Как правильно вести записи никто меня не учил. Записывал, как мог.

– «Субъект...»

– Кто?

– Ну, Егор... он – субъект...

– А!

– «Субъект, возможно, повесился». Нет, стоп, пиши – точно «повесился». Без «возможно». «На веревке, которая входила в сталкерский комплект».

Сталкеры носили с собой несколько веревок и тросов с карабинами. Чтобы можно было спуститься с руин зданий, если в этом была необходимость.

– Записал! – сказал я, поморщившись. Вонь становилась невыносимой.

– Да, сейчас, быстро закончим... Так вот, «Других повреждений на теле не обнаружено. На шее и лице – характерные признаки асфиксии»

– Я это писал уже.

– Ну, отлично. Что говорю, то и пиши. Потом поправишь.

– Хорошо!

– «Постороннего вмешательства... – Майор крутанул тело, разворачивая его на веревке спиной к нам. Ноги мертвеца качнулись так, что мне сразу захотелось проблеваться. – Постороннего вмешательства не обнаружено»... На этом все!

– Погодите!

– Что еще?

– А надо написать, что погибший имел контакт с незнакомцем? – спросил я.

Лицо Майора сразу превратилось в гипсовую маску. Понял, что сморозил глупость, выдав «на гора» лишние догадки.

– А ты откуда знаешь?

– Я? Да так... Разговоры слышал...

– Я тебя позову, когда понадобится записать факты, а слухи собирать мне тут не надо.

– Да, Майор!

– Не слышу!

– Так точно, Майор! – рявкнул я, инстинктивно вытянувшись по струнке, хотя и не был формально в его подчинении. Присутствие этого человека действовало магически, заставляя любого повиноваться малейшему слову.

– Хорошо. Очень скоро я тебя позову, а пока... – тон «силовика» перешел на заговорщический шепот. – Пока никому не слова о об этих твоих слухах, понял меня?

– Да!

– Не слышу!

– Так точно, Майор!

– Вот и славно! – он достал нож и срезал тело Егорки. Оно грохнулось вниз, прямо на загаженные мостки, а голова едва не провалилась в дырку, в которую люди справляли естественные потребности.

– Черт! Позови Володьку, пусть ищет, чем накрыть! И да, разгони пока толпу!

– Я?

– Нет, блин, я!

– А, хорошо! – это была возможность выскользнуть на спертый тесными стенами, но все же воздух. Здесь дышать было решительно нечем.

– Володька! – крикнул я охраннику. – Майор сказал искать, чем накрыть....

– А почему я?

– Да откуда ж мне знать?! – если честно, то я был рад, что эта работа досталась не мне. Даже не представляю, как бы возился с трупешником. Весь бы, наверное, ублевался.

– А кто здесь останется?... – спросил Володька, но по моим глазам уже понял, что сменить его на посту послали именно меня.

– Держи оборону тогда, – недовольно буркнул он и, распахнув зевак, двинулся к подсобке.

Майор вышел из сортира. Сделал несколько быстрых вдохов-выдохов.

– Ушел? – спросил он меня.

Кивнул.

Майор обратился к собравшимся: – Все! Насмотрелись – расходимся! Шоу закончилось!

– Ма-а-айор, он что, правда повесился? – это подала голос та самая женщина с фермы.

– Пока ничего не могу сказать. Без комментариев. Идет расследование.

– Знаем мы ваши расследования, – сказала женщина. – Опять все скроете... от наро-о-ода.

Майор глянул на нее так, будто собирался пристрелить взглядом.

– А вас, гражданка, я попрошу вечером зайти в Допросную.

– Ты меня допра-а-ашивать собралси?! Да я тебе! Я тебя помню еще когда ты такой же, как вон Егорка, к нам на фер-

му бегал, на свиней посмотреть. Да к Даше все клеился...

– Марья Ивановна... – вдруг вспомнил «силовик», как зовут нахалку.

Майор покраснел. Показалось, что на миг он даже потерял контроль над ситуацией, но тут же лицо приобрело прежний холодный оттенок – по коридору мчались еще два его подчиненных. Перед ними нельзя были терять самообладание. Вооружены охранники были палками – самый распространенный инструмент для наведения порядка в Крепости.

– Все! Расходимся, я сказал! Уберите их отсюда! – командовал он вновь прибывшим. И те сразу же начали стараться, расталкивая безоружных людей, иногда даже перегибая палку. В прямом смысле слова – отвечивали удары тем, кто замешкался.

– Совсем оборзели! От народа скрывают, – возмущалась та же тетка, но остальные начали покорно растекаться. Не то было время, чтобы затевать бунты. Все будет проще, если конфликтов не будет. Все это понимали, кроме разве что нахалки с фермы, но и ее силуэт через пару минут растаял в коридоре. Тоже понимала, чем чревато дальнейшее развитие конфликта, – Допросной.

– Все? – спросил Майор у подчиненных.

– Да!

– Отлично! Вставайте у дверей, сейчас будем выносить, – «силовик» увидел, как по коридору идет Володька и тащит за собой большой кусок брезентухи. Мы всегда ее использова-

ли, когда кто-то умирал. Заворачивали тела и выносили наверх. На берегу реки, за стеной, и сжигали, чтобы не воняло.

Но воняло все равно. Жженая мертвечина – это бр-р-р, та еще запашина!

Хранить же трупы у нас возможности не было. «Это риск заражения», – любил говаривать Майор. И в принципе он был прав – несмотря на жесткие условия существования, в нашей колонии еще не было серьезных эпидемий.

– Тьфу-тьфу-тьфу, – сплюнул я, мысленно добавив: «Пока не было».

– Ты чего? – спросил Володька.

– Да так, подумал о своем.

– Лучше помоги-ка!

И мы начали вместе разворачивать брезентуху, как вдруг до нас донесся истошные женский крик.

Глава 3. Маша

– Где это? – всполошился Володька.

– В Допросной! – навскидку выпалил я. На удивление оказался прав.

– Там никого не осталось, что ли? – Майор рывком развернул Володю. – Отвечай!

По лицу видно – испугался.

– Никого! – тихо буркнул охранник и получил по глазу.

– Черт! – бросил Майор и помчал в сторону Допросной.

– Вы же сами приказали... – простонал Володька, оказавшийся на полу и потиравший ушибленное место. Быстро понял, что продолжать нет смысла: это вполне в духе Майора – сначала приказать что-то, а потом искать виноватых в собственных косяках.

– Никого не пускать! Убирайте тело! – на ходу прокричал Майор. – Леха, ты – со мной!

Крики из Допросной не повторялись.

Майор по пути заметил еще одного из охранников, махнул ему в сторону лестницы: – Перекрыть – никого не пускать!

– Есть! – кивнул тот.

Мы же за это время долетели до Допросной. Железная дверь закрыта, за ней – приглушенное мычание.

Майор вытащил пистолет:

– Я – первый! Ты за мной!

– Я без оружия! – уточнил так, на всякий случай. Вдруг он забыл, что внутри Крепости гражданским запрещено носить любые средства вооружения.

– Держи дверь, если что! Заходим! – главный силовик распахнул дверь, и мы ворвались внутрь.

Сцена, которую я увидел перед собой, потрясла меня. Посредине обитой железом комнаты все также висел на цепях незнакомец. Глаза тарасились на меня из-под кровавой маски. В них – безумный огонь!

– Отпусти ее! – приказал Майор.

Ногами висевший на цепях пленник держал Машу. Мою Машу. Он словно собирался заняться с ней любовью. Ноги обхватили талию девушки и прижали к себе, зажав в стальные клещи.

– Отпусти ее! – повторил я вслед за Майором.

Маша посмотрела на меня. Видно было, что ей трудно не то, что кричать, а вообще разговаривать. С какой же силой сжал ее этот урод? Он что, чемпион ногрестлинга?

– Маша-а! – я бросился было к девушке, но Майор меня остановил. Показал назад. – Дверь!

«Точно! Мне следовало ее запереть. Совсем забыл».

Обернулся и лязгнул засовом.

– Отпусти ее, придурок! – еще раз скомандовал Майор, но в ответ услышал хохот. Мерзкий, с присвистом – все же во время допроса «силовик» основательно попортил белоснежную улыбку незнакомца.

– Я не сделаю ей больно! Мы только поговорили – и все, да, сладенькая? – спросило чудовище девушку, на которую я засматривался уже много-много лет. Сейчас мне казалось, что все это происходило очень давно. В прежней жизни.

– Отпусти, я сказал! Или буду стрелять! – приказал «силовик».

– Застрелишь безоружного, Майор?! Хотя ты... ты можешь, да-а... тебе не привыкать мочить людей, так ведь? – спросил незнакомец. – Как тех двоих, ту парочку, что ты отвел в дальний тоннель, а потом всем рассказывал, что они заблудились и пропали, да?!

«Что он несет?» – подумал я.

– Отпусти ее! Считаю до трех! – скомандовал «силовик», щелкнув предохранителем.

– Ты думал, никто не узнает, да?! Так оно и было по сути... Храм сказал – ты сделал. Все просто, так?

– Три!

– Просто шлепнул их там? Раз – и мозги по стенам... Но тебе ведь понравилось, да?!

– Два!

– Ты долго смотрел, как их мозги стекают по стене. А еще у тебя был жуткий стояк. Ты даже вздрочнул, придя в свою келью, помнишь? У-ух! Вспоминал эти два трупа и дрочил – вжик-вжик, шпиливили!

– Один!

– Ты даже руки не помыл после того, как спихнул их тру-

пы в яму и...

... тут грохнул выстрел!

– Черт! – от неожиданности чуть не подскочил.

Голова незнакомца дернулась – кровавый фонтан раскрасил стену в некое подобие набросков юного Сальвадора Дали.

– Ты... вы его убили... – только и смог сказать я.

– Он сопротивлялся, угрожал женщине убийством и пытался бежать – так, Алексей?! – Майор повел бровью.

Слова застряли в горле. Посмотрел на пистолет, на идущий из ствола дымок. Ничего не ответил. И только когда Маша шумно осела на бетон, я отвернулся и бросился к ней на помощь.

«Шлепнул их там... даже руки не помыл... Вспоминал эти два трупа и дрожил – вжик-вжик, шпильки!»

И это вполне могло быть правдой.

В ту ночь я долго не мог уснуть. Слишком много событий произошло за день. Кошмарный день

Маша была в Лазарете, под присмотром женщины, которая у нас была вместо врача и медсестры в одном флаконе – Надежды Александровны. Никаких серьезных повреждений у Маши не было.

– Ей просто нужен отдых! – уверяла врачиха, сказав, что скормила девушке сразу несколько таблеток успокоительно-го. Что тоже было против правил. Нормы по таблеткам у нас

были еще жестче, чем по еде и патронам.

– И ты знаешь, что это много... – шепнула она на ухо.

– Знаю!

– Чтобы она отдохнула...

– Спасибо вам!

– Не за что, сынок! – сказала врачиха, хотя сама была чуть-чуть старше меня. Я сунул ей патрон, но она не взяла, отстранилась.

– Не стоит! Обо мне бы кто так заботился, – сказала Надежда Александровна, подмигнув. – А она... эх, такого парня упускает...

Вот опять – «парень». Вроде уж годков-то больше трех десятков, а все одно – «парень».

– Да, ладно, ты не смущайся. Я же вижу, что она тебе нравится.

Сделал вид, что прочищаю горло. Кашлянул.

– Спасибо вам еще раз! – сказал я вместо ответа и вышел из Лазарета.

Во сне незнакомец вернулся...

Мы с Майором вбегаем в Допросную. Только вот незнакомец и Маша – абсолютно голые. И он не просто обхватил девушку ногами, а засаживает ей по полной программе. Настоящий животный трях.

Глаза девушки раскрыты, но зрачков не видно. Одни белки, в которых пульсируют красные прожилки. Тело содрогается, но видно, что удовольствия она не испытывает. Рот

искажает гримаса боли. Но тварь, оседлавшая Машу, не останавливается, продолжая засаживать член с усилием отбойного молотка.

– Останови их! – кричу я Майору, но тот внезапно падает на колени и начинает биться лбом о пол. Бам-бам-бам! Из головы течет кровь. Ее струйки образуют небольшую лужицу на полу.

– Прекрати, пожалуйста! – шепчу. Даже не знаю, к кому я при этом обращаюсь – то ли к Майору, то ли к чудовищу, – которое насилует девушку, которую я люблю.

«Ты сказал «люблю»? До этого только «нравится» – и все. Самопризнание во сне – отлично, не так ли?!»

– Если любишь – присоединяйся к нам, – проскрипело чудовище, изо рта выскочили щупальца. Как у осьминога. Схватили меня и потащили в центр комнаты. Прямо в центр оргии.

– Нет! – закричал я. – Отпусти меня!

– Ты же любишь ее – так люби, – проскрипело чудовище, когда мы оказались лицом к лицу с Машей.

Ее зрачки вдруг выкатились обратно из-под век, и она произнесла всего два слова:

– Найди меня!

Тут я проснулся.

«До чего же мерзкий сон!»

В келье было темно. Лишние источники освещения в об-

щине не приветствовались, а окон, естественно, не было. Встал, подошел к столу и зажег лучину. После чего выглянул в коридор – на Первом ярусе слышались голоса. Смена караула. Свежая порция охранников заступала на дежурство на стенах Крепости. Значит, проснулся рано – еще только светает.

А вот и рукомойник. На самом деле – ржавая кастрюля, в ней – грязная тряпка. Смочил ее и обтер лицо, а затем – шею. Вот тебе и все утренние процедуры. Только Храм мог позволить себе ванны, которые, опять же по слухам, он принимал ежедневно. Для него даже специально собирали дождевую воду и кипятили на кухне.

Посмотрелся в остатки разбитого зеркала. В нем показалось лицо, которое, как однажды сказала баба Нюра, раньше называли «фотогеничным». Без понятия, что это значило. Но намекала она на то, что я типа красив. И по идее должен нравиться женщинам. А еще голубые глаза – такие тоже вроде как в почете у девок. «В таких можно и утонуть» – говорила баба Нюра, подталкивая локтем девчонку из семейства Свиридовых. Та помогала ей резать грибы и водоросли на еду.

– Бабуль, да ей же лет еще... – смущался я.

Только вот в отношениях с Машей это все не работало. Не велась она на смазливую мордашку, как бы мне того ни хотелось. У нее есть парень, вот и все дела. А то, что он давно уже сгинул в тех местах, где хозяйничали вервольфы, – так

что с того?! Она все равно его любит! До сих пор!

«Во сне она сказала: «Найди меня! Вдруг с ней что-то случилось?»»

«Что с ней может случиться?! Она же в Лазарете. Под постоянным присмотром. Надежда Александровна практически живет там, на рабочем месте. Никуда и не отлучается. Если бы что-то случилось, то я был бы уже в курсе»

«А вдруг она решила мне не говорить? Она же знает мое отношение к Маше».

«Черт! Проверить что ли?!»

Поискал берцы. Вот они – под койкой. Хорошая обувь, досталась лично от Храма, который распределил добычу от набега на руины полицейского управления по своему усмотрению. Всегда так делал. В основном, экипировку получили его приближенные – парнишки, про которых поговаривали, что они не только выполняют поручения главного по Крепости, но и удовлетворяют сексуальные потребности хозяина. Так это или нет – я не знал. Только слухи.

Мне же Храм выделил берцы, сказав, чтобы, когдаведу Летопись, «не забывал» про «заслуги». Его заслуги, ясен пень. Я и так старался живописать для потомков деятельность главы Крепости только в лучшем свете – иначе мне бы просто не разрешили этим заниматься. Периодически мальчишки поднимались ко мне в келью, чтобы забрать Летопись. Ее требовал Храм – «на читку». Потом возвращал. С правками. Иногда я замечал, что не хватает двух-трех стра-

ниц, но, естественно, молчал. Ничего не спрашивал.

За это молчание и получил берцы. Продажная журналистика? Возможно, но иначе тут не выжить.

Вышел в коридор – пусто. Точно рано встал. Даже колокол еще не звонил – он обычно «отбивает» подъем.

Поспешил к Лазарету, дверь которого нынче оказалась открыта. И опять дурное предчувствие охватило меня: что-то случилось! Так и есть – койка, на которой еще вчера спала Маша, была пуста.

Зато рядом, на кресле, сладко посапывала Надежда Александровна. На столике – железная кружка с недопитым чаем.

– Где Маша? – начал трясти я женщину. Она приходила в себя медленно, словно с жуткого похмелья.

– Что? Где? – спросила врачиха, потом посмотрела на койку: – А где Маша?

– А я об этом и хотел вас спросить...

Женщина посмотрела на меня, потом на кружку. Взяла в руки, понюхала.

– Она что, напоила меня снотворным?

– Как? Зачем? – не понял я.

Врачиха встала, заохала, потом заглянула в тумбочку, где хранились медпрепараты.

– Точно помню, что запирала ее вчера, – Надежда Александровна хлопнула себя по боку – звякнула пряжка с ключами. – Она ее, выходит, отперла и...

Я пытался сообразить, что же произошло:

– Она что, взяла у вас медикаменты?

Женщина кивнула. На ее лице читался ужас.

– Храм велит казнить меня, – прошептала она.

Действительно, за кражу медикаментов или их растрату в колонии полагалась только одна мера наказания – смертная казнь.

– А что именно она взяла? Кроме снотворного?

Надежда Александровна осела в кресло и прошептала: –
Яд!

– Зачем он ей? К чему так рисковать?

На глазах врача проступили слезы:

– Не знаю. Правда.

– Надежда Александровна, миленькая, – я встал перед ней на колени, – пожалуйста, не выдавайте Машу! Пока! Я ее найду. Она вернет вам все, что взяла, только не надо говорить Храму.

– Я не могу... – женщина сглотнула, – я не могу так рисковать. Если скрою...

– То что? Вас казнят дважды?! Послушайте, ничего скрывать и не надо будет... Просто не говорите пока. Дайте мне время – до вечера я ее найду, – пообещал я.

Врачиха вдруг взяла меня за руку:

– Только пообещай мне, что никому не скажешь. Никогда!

– Конечно, если кто-то будут интересоваться – задержите, пожалуйста, – я уже собирался броситься на поиски Ма-

рии, но тут двери Лазарета распахнулись и двое охранников внесли брезентовый сверток.

Чей-то труп.

– Маша! – я кинулся к телу, но охранники отпихнули меня.

– Какая еще нафиг Маша?! Подсоби лучше, – бросил один из них. Я подхватил сверток, и мы вместе закинули труп на койку.

– Кто там? – спросила Надежда Александровна.

– Вчерашний труп, – хмыкнул охранник, разматывая брезент.

– Как это? – переспросила женщина.

– А вот так, – охранник показал что-то внутри брезентового свертка. Когда-то это было лицо. Сейчас оно превратилось в кровавое месиво. Фарш, в котором, вопреки логике и здравому смыслу, все еще дергался глаз. Он будто даже пытался повернуть зрачок в нашу сторону, но не мог.

– Боже! – врачиха прикрыла рот рукой. Потом выбежала из Лазарета. Судя по звукам, ее вывернуло наизнанку.

– Да уж... – подтвердил охранник. – Первый раз такое вижу. Сегодня понесли его сжигать... ну, там, за стеной. Утилизировать. Как и велел Майор, а он... гляди-ка, жив еще, оказывается. Трындец просто!

– Жив?

Я посмотрел на дергающийся в останках глаз и понял, что

ни черта не понимаю в огнестрельных ранах:

– Вроде после такого не выживают?

Охранник кивнул.

– После такого только одна дорога – туда! – он показал пальцем в потолок. – Хотя в данном случае – туда! – его большой палец перевернулся и теперь смотрел в сторону пола. – И дергается еще, смотри-ка!

Неожиданно охранника тоже вытошнило. Я едва успел отвернуться, чтобы на меня не попало. Еще думал: о, как держится, настоящий мужик!

Второй охранник похлопал первого по спине, будто тот поперхнулся.

– Спасибо-спасибо, хватит... полегчало уже, – буркнул первый.

Дверь распахнулась – в помещение влетел Майор. Беглым взглядом оценил обстановку.

– Зачем его сюда принесли?

Охранники вытянулись – начальство все же!

– А куда его еще? – переспросил первый, вытирая рукавом остатки блевотины. Майор заметил это движение, поморщился.

– Какой приказ был, солдат? – рявкнул начальник.

– Утилизировать труп! – отчеканил охранник.

– Так почему же вы его, балбесы, не выполнили? – глаза Майора сверкали в полутьме. Нездоровый блеск.

– Так он же... того... живой! – зататорил солдат, ком-

ната вокруг которого вдруг сжалась, уменьшившись до величины спичечного коробка. Не спрятаться, не скрыться!

– Да какой же он живой? Посмотри на это! – главный «силовик» показала на останки, который сейчас действительно выглядели как труп. Даже глаз не дергался.

– Нам показалось...

– Мало ли что вам показалось!!!

В помещение вошла Надежда Александровна.

– Он жив, Майор. Не знаю как, но он жив! – она отодвинула гориллоподобного мужика в сторону, подошла к телу незнакомца, – поэтому позвольте мне заняться *своими обязанностями*. Выйдите! Все-е!!! – гаркнула она, а потом добавила полупшепотом: – Пожалуйста!

Все повиновались. Никто не смел ослушаться. Даже Майор блеснул глазами, но ничего не сказал. Выскочил из Лазарета и исчез в коридоре. Охранники последовали за ним.

Я выходил последним. В дверях меня поймала врачиха:

– Не знаю, что здесь происходит, но, пожалуйста, найди ее. Прямо сейчас!

Больше ничего говорить и не надо было – я уже мчал к Бару.

Рывком распахнул дверь – внутри никого. За столиками пусто – еще слишком рано, комендантский час не кончился. Во время него не только нельзя было передвигаться по наружной части Крепости, но и употреблять спиртное. За этим

тоже следили Майор и его люди.

Звякнуло за дверью. На кухне все же кто-то есть! «Хоть бы Маша...», – подумал я, но это была баба Нюра, которая гремела кастрюлями, выбирая, на чем нынче готовить завтрак для голодной ватаги.

– Тебе чего? – вытаращилась она на меня.

– Машу не видали?

– Машку? Слишком рано для нее... Она же у нас соня, да и вчера я ей сказала, чтобы не выходила сегодня. Чуток оклемалась бы... ну, после того, что произошло, – она старательно избегала слово «нападения». – Денек пьяницы потерпят, ничего с ними не станется. А тебе-то чего от нее вдруг понадобилось?

Я не стал тратить время на ответ, бросился к машинной келье. Она жила рядом с Кухней, недалеко от ферм. До меня уже доносился запах навоза и невымытой скотины.

Постучался в дверь:

– Маша! Это я! Маша, открой!

Стукнул еще раз, но дверь вдруг открылась сама собой.

– Маша, ты здесь? – этот вопрос можно было и не задавать – келья была слишком маленькой, чтобы кто-то здесь мог спрятаться. Даже за койкой, которая представляла из себя железную дверь, положенную на кирпичи и заваленную тряпьем, не было места, где можно было схорониться.

А вот и «записка» – надпись углем на стене: «Пожалуйста, не ищите меня. Ушла за Витей».

Охнул и сел на кровать – это все здорово осложняло...

Глава 4. Тайна Храма

Я вышел в коридор, когда раздался сигнал к пробуждению, а заодно – окончанию времени действия комендантского часа. Теперь вполне можно было напиться, только вот Маши в Баре не было. И ее не хватятся там до завтрашнего утра.

Едва прикрыл за собой дверь, как столкнулся с прихвостнями Храма – Андрей и Стас появились за спиной тихо, словно диверсанты в тылу врага.

– Мать вашу! – ругнулся с перепуга.

– Посмотрим, чья еще мать тут замешана, – сказала Стас, показывая на дверь за спиной. – Это разве твоя келья? Интересно, что это тут делал, а?

– Не ваше дело, – я попытался пройти мимо, но парни не дали – встали плечом к плечу.

– А может и наше, как знать, – ухмыльнулся Стас, схватив меня за плечо. Он был старше «коллеги» на пару лет и выше на пару десятков сантиметров. Огненно-рыжие волосы, веснушки и непомерное самомнение – вот отличительные черты этого недоноска.

– Пропустите, не задерживайте Летописца, а то Храм вам...

– Храм сам нас за тобой послал, к твоему сведению... – буркнул Стас.

– Сам?!

– Ты разве не расслышал? Топай за нами! – огрызнулся он. Прихвостни Храма демонстративно развернулись и двинулись к лестнице. Как бы само собой подразумевалось, что я пойду за ними.

Можно было дать деру, наплевать на парней, но, блин, с Храмом такая фигня не прокатит – он в Крепости царь и бог! Того и гляди оставит не только без берцев, но и книгу до кучи отберет, а это было все равно, что оставить без цели существования. Кто я без нее? Так, жалкий неудачник! Летопись была для меня всем. Точнее – она и Маша.

Да, так правильнее!

– Черт! – ругнулся я и бросился догонять нахалов, на ходу пытаюсь сообразить, а с какой стати вообще понадобился Храму. Последний раз с ним разговаривал еще зимой. Тогда еще снег был на улицах. С тех пор главу Крепости никто и не видел. Поговаривали, что он уж и не ходит вовсе, лежит при смерти, а мальчишки ждут, когда хозяин откинется, чтобы прикарманить ценные вещи.

– Стойте! А что он сказал? Зачем я ему?

– Увидишь, – мальчишки переглянулись. – Мы и сами не знаем. Сказал привести – мы и пошли. Сам спросишь.

Быстро спустились на Третий ярус. Здесь воздействие радиации и химических веществ было минимальным. С другой стороны стены тут, казалось, давили на тебя куда сильнее, чем на верхних ярусах. Коридоры были настолько узкие, что можно было протиснуться только по одному.

А еще я ни разу не был в Святилище – личной келье Храма. И из друзей и знакомых тоже никто и никогда там не бывал. Раньше мне это не казалось странным: с чего вдруг руководитель должен приглашать всех подряд в личные апартаменты? Но сейчас неизвестность меня пугала – вдруг там лежит полуразложившийся труп, а эти прохвосты просто заманивают меня в ловушку, чтобы убить?

«Убить? А зачем?»

«Съесть, например».

«Не смешите мои берцы!»

Мы как раз вышли к массивной деревянной двери, обитой сверху листами железа. На ней кто-то вывел красной краской «СвЕтилище». Именно так, с ошибкой. Наверняка эти дуралии, сопровождающие, и написали.

– Пришли! – Стас постучал в дверь: один раз – три раза – потом снова один.

– Входите! – раздался голос с другой стороны. Он казался очень усталым, но в нем по-прежнему чувствовалась власть. Сразу отлегло: Храм еще не труп!

Святилище было просто громадным по сравнению с теми крысиными норами, в которых мы привыкли жить – аж присвистнул! В обычных кельях иногда трудно было просто развернуться, чтобы надеть костюм химзащиты, а здесь же можно было с легкостью устроить столовую, которая вместила бы всех обитателей Крепости. И еще бы место осталось!

Помещение было круглым, вверху его стены плавно пере-

ходили в купол. На нем – рисованное солнце с расходящимися в разные стороны лучами. Наверное, поэтому пацаны решили, что «Святылище» – от слова «свет».

– Впечатляет? – спросил тот же голос.

Он принадлежал старику с длинными седыми волосами, глядя на которые я снова вспомнил про вшей, которые были настоящим бичом колонии. Кровососы заедали даже тех, у кого ничего на голове не росло. Ни пушинки, как, например, у меня. А уж в такой-то шевелюре их должна была быть уйма, но пока скачущих по макушке тварей я не видел.

Старик восседал на диване в махровом халате и тапочках на босу ногу. Тапки в виде зайчиков – белые с розовыми ушками. Таких зверей я видел только на картинках. В городе подобных тварей не водилось. А что произошло с ними в лесах – лучше и не думать. Там они, наверное, уж все были размером с кабана.

На удивление тапки хоть и выглядели потрепанными, но были именно белыми, а не грязно-коричневыми, как большинство предметов гардероба подобного цвета в колонии. Стирают, значит, регулярно – неплохо устроился!

– Что нахмурился? Стоишь-молчишь? Может, пройдешь уже? – спросил старик.

– Да-да-да, конечно, прошу прощения, – залепетал я. – Куда можно присесть?

– А вот хотя бы и сюда! – Храм похлопал по дивану, на котором сидел сам, прикрывшись длинным серым пледом.

Пока хлопал – закашлялся. Егор и Стас поспешили к нему, но глава Крепости поднял руку, показывая, что справится и сам.

– Пшли прочь! – рывкнул он, и мальчишки, как нашкодившие щенки, убрались восвояси. – И дверь за собой закройте! – крикнул он им вдогонку, опять закашлявшись. – Кх-х-хм, черт! И чтоб не подслушивать там у меня, слышали? А то задам вам потом, сучьи выродки!

Удаляющийся топот ног за дверью – либо мальчишки действительно убежали в другой конец коридора, либо искусно это изобразили.

– Ничего, что я так строго с ними?! – спросил Храм. – Да ты садись уже! В ногах правды нет, особенно в моих...

Только сейчас заметил, что голень и стопа правой ноги у старика почернели. В тапках со смешными заячьими ушками эта конечность выглядела *чужеродной*. Так, если бы ксеноморф решил влезть в пеленки новорожденного.

Только вот пеленки и в лучшие времена для человечества были куда грязнее, чем эти тапочки. Мне пришлось еще раз напомнить себе, что передо мной не тот человек, которого следует жалеть.

– Вы меня вызывали? – сел я на краешек дивана.

– Да?! Да, вызывал, конечно! Кхм! Да ты не переживай – к твоей работе нареканий нет. Пока нет. Мне регулярно приносят твои писульки, правлю там кое-чо, но так, по мелочи. Ты – молодец, сам пишешь все, как надо... тут претензий

никаких...

– Зачем тогда?..

– Разговор к тебе есть.

– Какой?

– Экий ты нетерпеливый... – Храм пошарил рукой на столе и нашел трубку. – Я закурю, ты не против?!

Отрицательно покачал головой.

Храм не спеша набил табак в трубку, а потом прикурил ее лучиной от свечи. Последних тут, кстати, было о-очень много. Помещение большое. Чтобы его осветить целиком требовалось не менее десятка свечей. И все они горели. Просто непозволительная роскошь для колонии, где любые источники освещения – на вес золота!

Храм затаился, губы вытянулись от удовольствия, но тут же скривились – старик закашлялся.

– Может, вам помочь? – спросил я, хотя сам не представлял как – постучать по спине? Но этот способ работал только, если человек подавился. А тут что делать?

– Кхр-ра, тьху, блин!!! Мне?! Да мне уж ничем не помочь! – Храм попытался закутаться в плед так, чтобы даже голени не торчали. Не вышло. – Знаю, что нельзя курить, а вот все смолю, как видишь. Не могу по-другому...

Я кивнул.

– Так вот... зачем я тебя вызвал. Кх-м-м-м! Спросить хотел, все ли тебя устраивает тут у нас, в колонии? Чтобы ты хотел исправить, например, в Крепости?

– Я?! Исправить?!

– Ну да, может, замечания есть какие...

– Нет... Нет, наверное. Ничего такого...

Храм затянулся. Снова закашлялся.

– Это ты зря. Я ведь не так просто спрашиваю, мне, правда, интересно. Я уже давно не выходил наверх, – сказал старик.

– Почему?

– Почему-почему? Спрашиваешь еще! Да очень просто: если наверх меня ребята и донесут, то обратный путь я просто не перенесу. Сдохну по дороге. Слишком долго здесь сижу. Слишком! Кхр-ра! Тьфу! И гангрена – не самое страшное, что меня беспокоит.

– А что еще?

В глазах старика мелькнул страх:

– Беда близко...

– Это все из-за незнакомца? – спросил я. Больше у меня никаких предположений не было. Все сейчас вертелось вокруг этого типа.

– М-м-м, не только. Да, конечно, он меня беспокоит. Он пришел оттуда, откуда никто не приходил. Очень-очень давно. Из Мертвых земель, да еще и в костюме – как на парад вырядился, ей-богу!

«Вот! Опять это слово!»

– В костюме? – переспросил я.

– Я и сам в таких щеголял, помнится... Мда-а. Но не костюм меня беспокоит, а он сам.

– Он сказал, что он – бог!

– Но он не бог, – отрезал старик и снова закашлялся, – никто не может противопоставить себя истинному Мессии, – он выждал паузу, – но никто не мешает ему быть Антихристом. Тем, кто пришел, чтобы попытаться убить посланника Господа.

– Вас? – я посмотрел на старика, но Храм лишь отмахнулся.

Он точно не был посланником Господа. Передо мной сидел обычный старик в обычном халате. К тому же ему немного осталось – не надо было быть врачом, чтобы это понять. Только голос у Храма еще не утратил прежних лидерских качеств, тело же давно и бесповоротно сдало позиции альфа-самца.

«Кому?»

«Да хотя бы этим самым мальчишкам, которые вились вокруг него, как мухи возле полудохлой клячи. Зачем вот, спрашивается? Не за тем ли чтобы встать у руля, если старик вдруг откинёт копыта?!»

– А ты думаешь, зачем он явился?! – спросил Храм про незнакомца.

– Не знаю. Да и вообще он... – я попытался припомнить то, каким видел в последний раз того, о ком мы говорим. Причем, говорим, как о живом человеке. Перед глазами воз-

ник кровавый комок фарша с дергающимся внутри глазом. – Мне кажется, он сейчас не в том состоянии, чтобы кому-нибудь навредить. Тем более – Миссии.

Старик пустил дымок. Даже не закашлялся.

– Мы его уже пытались убить, – возразил он. – Ты думаешь, кто Майора попросил?..

– Вы?

– Нет, Владимир Путин, блин!

Я не знал, кто это, а старик не удосужился объяснить. Продолжил:

– Майор – надежный человек, но никогда не действует без санкции сверху. Моей санкции.

– Но мне показалось...

Старик поднял бровь.

– Ну, что он вспылит перед тем, как выстрелил. Из-за информации одной...

– Тебе показалось! – Храм посмотрел на купол, словно щурясь от нарисованного солнца. – Ибо на все есть воля Господа. И да, санкция Миссии, – добавил он, засмеявшись и закашлявшись одновременно.

– Но зачем? Зачем вы приказали его убить? Я хочу сказать: не то, чтобы я против этого... осуждаю там или еще что, но...

– Когда-нибудь ты поймешь... Ты только в Летописи это в своей не пиши... Ты поймешь потом. Да, время придет... что власть есть нечто большее, чем просто звонки в коло-

кол утром и вечером. Власть нужно не просто взять, но и суметь ее удерживать. Постоянно. Изю дня в день. Каждый день. Снова и снова. Майор для этих целей – идеальный человек. Исполнитель. Согласен – кошмарный, но при этом абсолютно рабочий механизм. Есть у него... эм, свои тараканы. Не без них, конечно, но, если все пойдет так, как я предвижу, то обещаю тебе, что ты оставишь Майора при себе и даже будешь его иногда слушаться.

– «Пойдет»? Что пойдет? Куда пойдет?

Старик не ответил, пошарил за диваном. Оттуда возникли два костыля.

– Помоги-ка лучше мне подняться! Не хочу звать этих засранцев, закричал Храм, вставая.

– Да, конечно! – успел помочь ему сохранить равновесие, когда глава Крепости переносил вес на костыли.

Плед упал на пол, и я увидел его ногу. Нет, она не просто почернела. Она гнила заживо!

– А-а, это, не смотри! – старик, ковыляя на костылях, обошел диван. – Пойдем, мне надо кое-что тебе показать.

– Мне?

– Тут разве еще кто-то есть?

Я обернулся, будто ожидая увидеть мальчишек за спиной.

– Вот и я говорю. И вообще не расстраивай меня – заладил, понимаешь, как попка-дурак. Не заставляй меня пожалеть о моем выборе, – старик заковылял к дальнему углу.

Старик заметил мою нерешительность:

– Да иди уже. Не съем я тебя!

– Да я и не боюсь, – но голос предательски дрогнул.

– Не бойся, хотя должен по идее... Я тебе начал про Майора говорить, так вот не мог я оставить все это хозяйство на нем... – старик подошел к книжному шкафу. Сунул руку между переплетов. – Он исполнительный, надежный, но, знаешь, не шибко умный. Да ты и сам, наверное, это уже заметил. А кроме того у него совершенно нет дара предвидения, что для любого лидера – самое необходимое качество.

Старик улыбнулся.

– С чего я взял, что оно есть у тебя, да? Я ж читал все твои писульки, ты забыл? Ты не только описываешь факты, а еще – фиксируешь количество ресурсов, делаешь замечания по поводу дальнейшего существования колонии. Анализируешь. Перерабатываешь информацию – и прогнозируешь. А эта твоя идея по поводу усовершенствования системы фильтрации... Если помнишь, она же и была воплощена в жизнь.

– Но это же один раз всего было...

– Не приуменьшай свои способности, говорю же, не расстраивай меня! – старик вытащил руку из рядов книг, заскрипело железо. – А сейчас – не пугайся!

В шкафу открылась потайная дверь, за которой зиял темный провал. Старик взял одну из свечек и шагнул во тьму.

– А что там? – спросил я.

– Да увидишь ты! Сейчас! Тут недалеко.

Похоже, что потайная дверь скрывала коридор, который

не оканчивался здесь, в Святилище, а вел еще дальше. Куда? Я мысленно прикинул направление – в сторону реки.

Минута ходьбы – и мы дошли до тупика. Коридор заканчивался дверью, правда, не такой вычурной, как в Святилище. Попроще. Обычная ржавая дверь, на которой висел огромный замок. Амбарный, как и моя книга.

– Что это за дверь? – спросил я.

В отблесках огня лицо старика приобрело зловещий оттенок.

– Эта та дверь, которая никогда ни должна быть открыта! – сказал он. – Ты понял меня? Скажи, что понял!

Я слегка опешил:

– А зачем тогда вы меня сюда привели? Может, мне лучше было про нее и не знать вовсе?

– Нет, как раз именно тебе про нее и нужно знать. Если вдруг... ну, если меня вдруг не станет, я хочу, чтобы был человек, который продолжит мою миссию.

– Миссию? Вы о чем? – я подумал, что Храм опять будет мне втирать про божественные дела, но ошибся.

– Обычная миссия: ты должен проследить, чтобы *эта дверь никогда и никем не открывалась*. Ни при каких обстоятельствах! НИКОГДА! Пообещай мне!

– Пообещать?!

– Да, я должен быть уверен, что ты действительно понял то, о чем я тебе сейчас толкую. Никто не должен пройти на ту сторону! Ни-кто!

– А что там, на другой стороне?

– Лучше об этом тебе не знать, иначе возникнет соблазн.

Просто пообещай – и все!

– Обещаю! – ляпнул я, хотя на самом деле было жутко интересно глянуть, что же там, за диковинной дверью.

– Ты уверен? – старик смотрел на меня, пытаясь оценить серьезность клятвы.

– Да, более чем!

– Отлично! – сказал старик, а затем достал из-под ворота халата еще один предмет. Это был огромный, с ладонь, ключ на золотой цепочке. То, что это именно золото, я не сомневался, хотя ни разу его и не видел. Только слышал о таком металле, в основном – от старожилов Крепости.

– Это золото?

Старик кивнул:

– Да, в наше время в нем ценности нет, а в прежние времена за этот металл убивали, из-за него велись войны. В конце концов, его можно было просто продать. Или вложить...

– Вложить?

– Не бери в голову. Нам он нужен только как ключ, пусть и золотой. Возьми его! – Храм снял цепочку.

Я машинально взял протянутый предмет:

– И что мне с ним теперь делать?

– Спрячь его! Лучше – на себе! И всегда носи с собой!

Ни в коем случае не передавай ключ никому, даже если тебя об этом очень хорошо попросят, – тон старик сделался еще

более таинственным, – даже если это будут близкие люди. Даже если это буду я...

Одел цепочку, сунул ключ под майку. Металл приятно холодило кожу. Так же, как и последние слова старика. То есть мне даже ему не возвращать, если он попросит?!

Храм положил мне руку на грудь, и я снова вспомнил все эти байки про приставания старца к мальчикам, но старик лишь сказал мне, глядя в глаза:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.